

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

БЕГЛЕЦ
МЦЫРИ

ДЕТГИЗ 1949

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Л 492

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

БЕГЛЕЦ МЦЫРИ

Гравюры на дереве
Ф. КОНСТАНТИНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

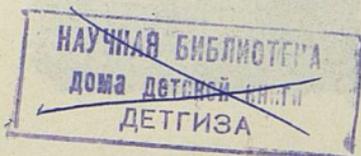
Москва 1949 Ленинград

М. И. ПЕРМОНОВ

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

39282

1957-58 г.

696584 кк ред

Российская государственная
детская библиотека

Для семилетней школы

Ответственный редактор Г. Каримова.
Художественный редактор Н. Яцкевич.
Технический редактор Н. Самохвалова.
Корректоры Е. Балабан и Е. Вильтер.

Сдано в набор 10/II 1949 г. Подписано к печати 11/IV 1949 г. 3 п. л. формат 84×108^{1/2} (1,9 уч.-изд. л.) 24 640 зн. в п. л. Тираж 60 000 экз. А04215.

Заказ № 2211.

Набрано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР, Москва, Валовая, 28. Отпечатано с матриц на фабрике детской книги № 1 Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49.

БЕГЛЕЦ

Горская легенда

Гарун бежал быстрее лани¹,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани²,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли;
И под пятой у супостата³
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течёт и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит!

¹ Лани (лань) — олени, отличающегося быстротой бега.

² С поля брани (брань — война) — с поля битвы.

³ Под пятой у супостата (пята — пятка, нога) — под властью врага.

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели тёмные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Естал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнаёт;
Подкрался он, никем незримый¹,
Кругом молчанье и покой.
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришёл домой;

И к сакле² он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой³ как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом,
Один, он молча умирал...

... «Велик аллах! от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!» —
«Что нового?» спросил Селим,
Подняв слабёющие вежды⁴,
И взор блеснул огнём надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.

¹ Незримый — невидимый.

² К сакле (сакля) — к дому, жилищу кавказских горцев.

³ Скрепясь душой — поборов страх, неохоту.

⁴ Вежды — веки.

«Два дня мы билися в теснине¹;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне.
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шёл безвестными тропами
По следу вепрей² и волков;
Черкёсы гибнут — враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..»
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрёк,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело³.
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: «Я люблю;
Она лишь мной живёт и дышит...»

¹ В теснине (теснина) — в узком проходе между высобкими горами, утёсами.

² Вепрей (вепрь) — кабанов, диких свиней.

³ Чело — лоб.

И хóчет он взойтí — и слы́шит,
И слы́шит пёсню старины...
И стал Гару́н бледне́й луны.

«Ме́сяц плывёт
И тих и споко́ен,
А ю́ноша-воин
На битву идёт.
Ружьё заряжа́ет джигít,
А де́ва ему́ говори́т:
Мой ми́лый, смеле́е
Вверя́йся ты ро́ку,
Моли́ся восто́ку,
Будь ве́рен проро́ку,
Будь сла́ве верне́е.
Свои́м измени́вший
Изме́ной крова́вой,
Врага́ не срази́вши,
Погы́бнет без сла́вы,
Дожди́ его́ ран не обмо́ют,
И зве́ри косте́й не заро́ют.
Ме́сяц плывёт
И тих и споко́ен,
А ю́ноша-воин
На битву идёт».

Главо́й поникну́в, с быстротóю
Гару́н свой продо́лжа́ет путь,
И крупна́я слеза́ поро́ю
С ресни́цы па́дает на грудь...
Но вот от бу́ри наклонённый
Пред ним родно́й белёет дом;
Наде́ждой сно́ва ободрённый,
Гару́н стучи́тся под окно́м.

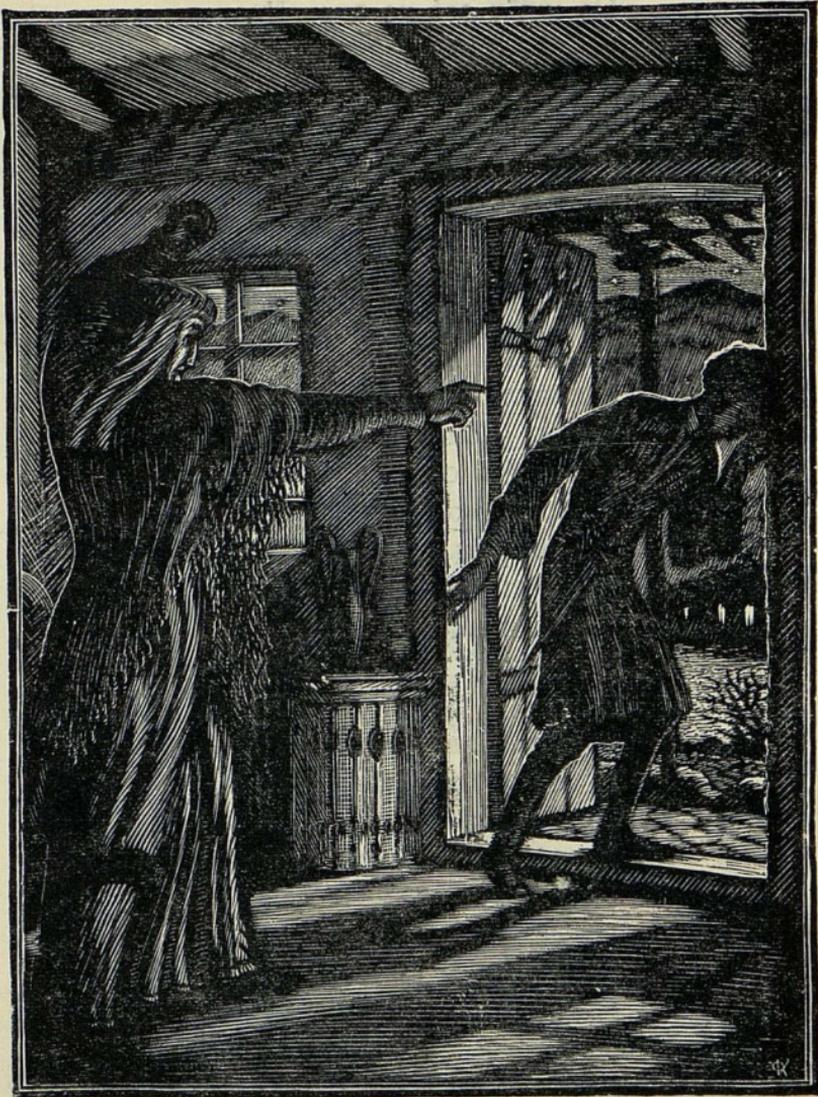
Там, вѣрно, тёплые моли́твы
Восхо́дят к не́бу за него́;
Стару́ха мать ждёт сы́на с битвы,
Но ждёт его́ не одно́го!..
«Мать, отвори́! я страна́ник бе́дный,
Я твой Га́рун, твой мла́дший сын;
Сквозь пу́ли ру́сские безвредно
Прише́л к тебе́!» — «Оди́н?» — «Оди́н!..» —
«А где оте́ц и бра́тья?» — «Па́ли!
Проро́к их смерть благослови́л,
И а́нгелы их ду́ши взяли». —
«Ты отомсти́л?» — «Не отомсти́л...
Но я стрело́й пусти́лся в го́ры,
Оста́вил меч в чужо́м краю́,
Что́бы твой утёшить¹ взору́
И утере́ть слезу́ твою́...» —
«Молчи́, молчи́! гяу́р² лука́вый,
Ты умереть не мог со сла́вой,
Так удали́сь, живи́ оди́н.
Твои́м стыдо́м, бегле́ц свободо́ды,
Не омрачу́ я ста́ры го́ды,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умо́لكло сло́во отверже́нья,
И всё круго́м объято́ сном.
Прокля́тья, сто́ны и моле́нья
Звуча́ли до́лго под окно́м;
И наконё́ц уда́р кинжа́ла
Пресе́к несча́стного позор...
И мать поу́тру увида́ла...
И хла́дно отверну́ла взор.
И труп, от пра́ведных изгна́нный,
Никто́ к кладби́щу не отнёс,

---

¹ Утёшить — успокоить, облегчить горе.

² Гяу́р — враг, иноверец.

The King of the Mountains
and the King of the Sea
and the King of the Earth

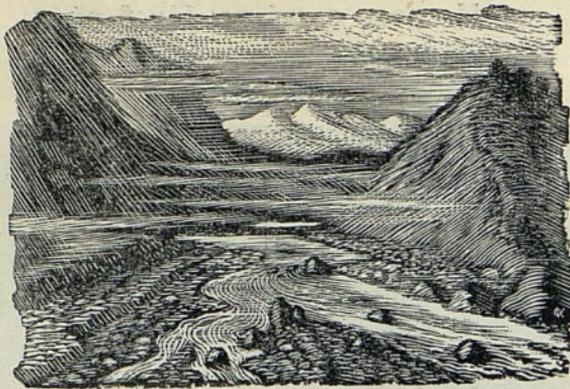
И кровь с его глубокой раны
Лизал рычя домашний пёс;
Ребята малые ругались¹
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца. —
Душа его от глаз проробка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в тёмну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится стуча,
Но, внемля громкий стих корана,
Бежит опять под сень² тумана,
Как прежде бегал от меча.

---

¹ Ругались — здесь: насмехались, издевались.

² Сень — покрыв.

МЦЫРИ¹

Вкушáя, вкусíх мáло мёда,
и се аз умираю.

1-я Кни́га Цáрств

I

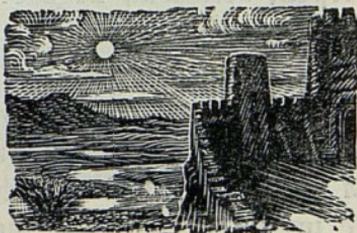
Немнóго лет томú наза́д
Там, где, слива́ясь, шумя́т,
Обня́вшись, бúдто две сестры́,
Стру́й Ара́гвы и Куры́,
Был монасты́рь. Из-за горы́
И ны́нче ви́дит пешехо́д
Столбы́ обру́шенных воро́т,
И ба́шни, и церко́вный свод;
Но не ку́рится уж под ним
Кади́льниц благово́нный дым,
Не слы́шно пёнье в по́здний час
Моля́щих и́ноков за нас.

---

¹ Мцыри на грузинском языке значить «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Примеч. Лермонтова.)

Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал.
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог¹. Не перенес
Трудов далёкого пути.

---

¹ Занемог (занемочь) — заболел, почувствовал недомогание.

Он был, казало́сь, лет шести́;
Как се́рна гор, пугли́в и дик
И слаб и ги́бок, как тростни́к.
Но в нём мучи́тельный недуг
Разви́л тогда́ мого́чий дух
Его́ отцо́в. Без жа́лоб он
Томи́лся — да́же сла́бый стон
Из де́тских губ не вылета́л,
Он зна́ком пи́щу отверга́л
И ти́хо, го́рдо умира́л.
Из жа́лости оди́н мона́х
Больно́го при́зрел¹, и в стена́х
Храни́тельных оста́лся он,
Иску́ством дру́жеским спасён.
Но, чужд ребя́ческих утэх,
Снача́ла бе́гал он от всех,
Броди́л безмо́лвен, оди́нок,
Смотре́л, вздыха́я, на восток,
Томи́м неясно́ю тоско́й
По сторо́не своёй родно́й.
Но по́сле к плéну он приви́к,
Стал понима́ть чужо́й язы́к,
Был окрещён святы́м отцо́м
И, с шу́мным све́том незнако́м,
Уже́ хоте́л во цве́те лет
Изречь мона́шеский о́бет².
Как вдруг одна́жды он исче́з
Осе́нней но́чью. Те́мный лес
Тяну́лся по гора́м круго́м.
Три дня все по́иски по нём
Напра́сны бы́ли, но пото́м

---

¹ При́зрел (правильно «призрётъ») — приюти́л, взял к себе́.

² Изречь мона́шеский о́бет — стать мона́хом.

Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель¹ принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днём приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришёл к нему чернец²
С увещаваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больно
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь.
Но людям я не делал зла,
И потому мой дела
Не много пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил и жил в плену.»

---

¹ В обитель — в монастырь.

² Чернец — монах.

Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мой звала
От келий¹ душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской,
Её пред небом и землёй
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

4

«Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.

---

¹ От келий (келья) — от комнат монахов.

THE HISTORY OF THE
LIFE OF SAMUEL JOHNSON
BY SAMUEL JOHNSON

THE HISTORY OF THE
LIFE OF SAMUEL JOHNSON
BY SAMUEL JOHNSON

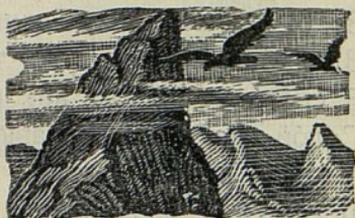
Я никому́ не мог сказа́ть
Священны́х слов: оте́ц и мать.
Конечно́, ты хоте́л, стари́к,
Чтоб я в обита́ли отвы́к
От э́тих сла́достных и́мён.
Напрáсно: звук их был ро́ждён
Со мной. Я ви́дел у други́х
Отчи́зну, дом, друзе́й, родны́х,
А у себя́ не находил
Не то́лько ми́лых душ — моги́л!
Тогда́, пусты́х не тра́тя слёз,
В душе́ я кля́тву произнёс:
Хотя́ на миг когда́-нибу́дь
Мою́ пыла́ющую грудь
Прижа́ть с тоско́й к груди́ друго́й,
Хоть незнако́мой, но родно́й.
Увы́, тепе́рь мечта́нья те
Погибли в по́лной красоте́,
И я, как жил, в земле́ чужо́й
Умру́ рабо́м и сирото́й.

5

«Меня́ моги́ла не страши́т:
Там, говоря́т, страда́нье спит
В холо́дной, ве́чной тишинé,
Но с жи́знью жаль расста́ться мне.
Я мо́лод, мо́лод... Знал ли ты
Разгу́льной ю́ности мечты́?»

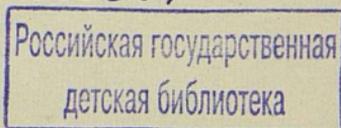
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей,
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пусть теперь прекрасный свет
Тебе постыл¹, ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть!
Ты жил — я также мог бы жить!

6

«Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежей толпой,
Как братья в пляске круговой.

¹ Постыл (постылый) — неприятен, противен.

Я видел гряды тёмных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал,
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятая каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года,
Им не сойтись никогда.
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлэг,
К востоку направляло бег;
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман
В снегах, горящих как алмаз,
Седой незаблемый Кавказ:
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

«И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунów
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... И как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец! Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги¹ звон, и блеск ружья,
И гордый, непреклонный взор —
И молодых моих сестёр:
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущельи там бежал поток,
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касались крылом.

¹ Кольчуги (кольчуга) — рубашки из металлических колец
в древнее время кольчуга служил а снаряжением воина.

И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

8

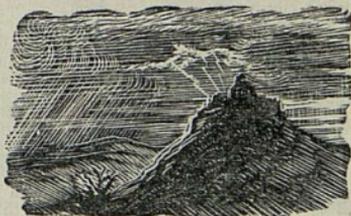
«Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил, и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальные поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли или тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда столпясь, при алтаре¹,
Вы ниц² лежали на земле,

---

¹ При алтаре (алтарь) — в главной части церкви.

² Ниц — лицом вниз, к земле.

Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил.
Скажи мне, что среди этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?

9

«Бежал я долго, где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устал,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Блédный свет
Тянулся длинной полосой
Меж тёмным небом и землёй,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далёких гор;
Недвжим, молча я лежал.

Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуёй блестя,
Змея скользила меж камней,
Но страх не сжал души моей,
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

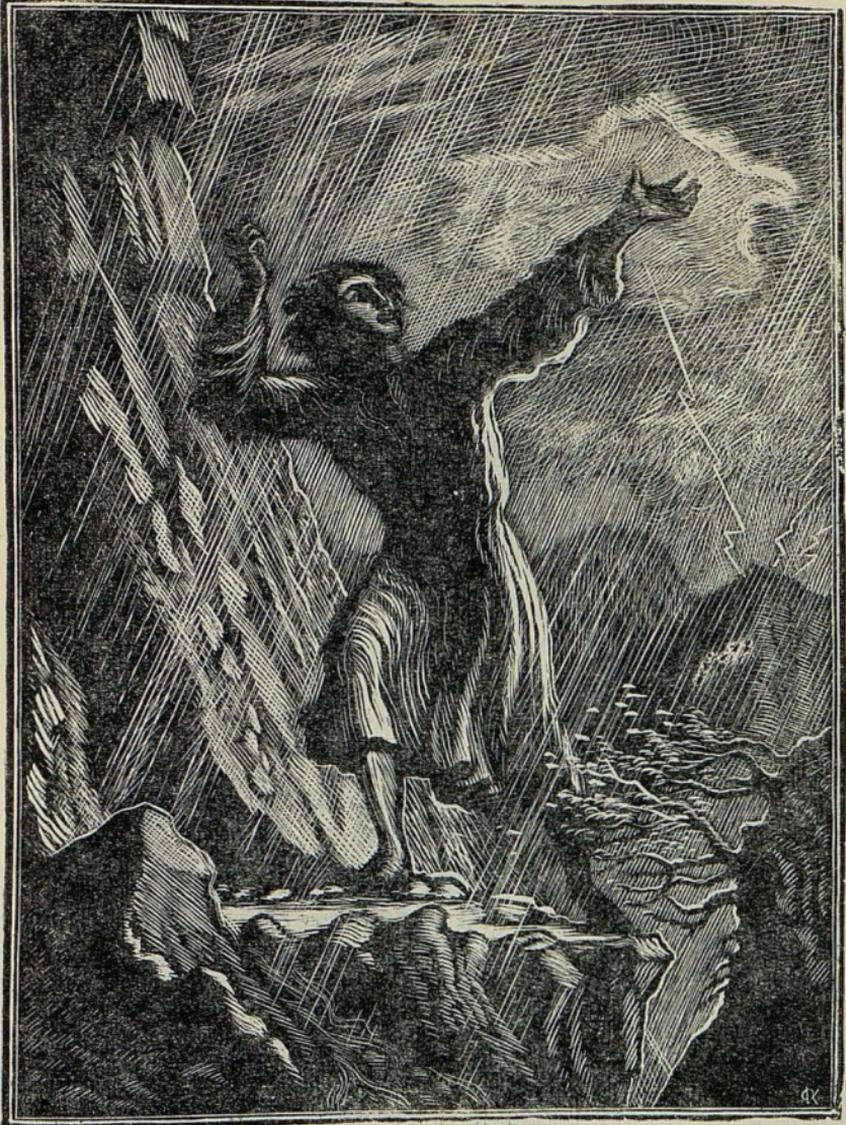
10

«Внизу, глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился¹. Хотя без слов,
Мне внятен² был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудю камней;
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот в туманной вышине
Запели птички и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;

¹ Сотне голосов подобился (подобиться) — был похож на сотню голосов.

² Внятен — слышен, понятен.

THE GREAT GIBBERING MONSTER
AND
THE GREAT GIBBERING MONSTER

THE GREAT GIBBERING MONSTER
AND
THE GREAT GIBBERING MONSTER

Дохну́ли со́нныи цветы́,
И, как о́ни, навстрéчу дню́
Я по́днял го́лову мою́...
Я осмо́трелся; не таю́ ¹,
Мне ста́ло стра́шно: на краю́
Грозя́шей бездны я лежа́л,
Где вы́л, круты́сь, сердитый ва́л ²;
Туда́ вели́ ступени́ ска́л,
Но лишь зло́й дух по ним шага́л,
Когда́, низве́рженный с небес,
В подзе́мной про́пасти исче́з.

11

«Круго́м меня́ цвёл бо́жий сад.
Расте́ний ра́дужный наряд
Храни́л следы́ небесных слёз,
И кудри виногра́дных лоз
Вили́сь, красу́ясь меж дере́в
Прозра́чной зелье́ю листо́в;
И гро́зды по́лныи на них,
Серёг подо́бье доро́гих,
Еисе́ли пы́шно, и поро́й
К ним птиц лета́л пугли́вый рой.
И сно́ва я к земле́ припа́л

¹ Не таю́ (тайть) — не скрываю́.

² Ва́л — здесь: высокая́ волна́.

Il cigno non si muoveva
Il cigno non si muoveva
Il cigno non si muoveva

Il cigno non si muoveva
Il cigno non si muoveva
Il cigno non si muoveva

И снова вслушиваться стал
К волшебным странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли.
И все природы голоса
Сливались тут. Не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы, им уж нет следá,
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полёт
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полднёвный зной
Мой мечты не разогнал
И жаждой я томиться стал.

12

«Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,

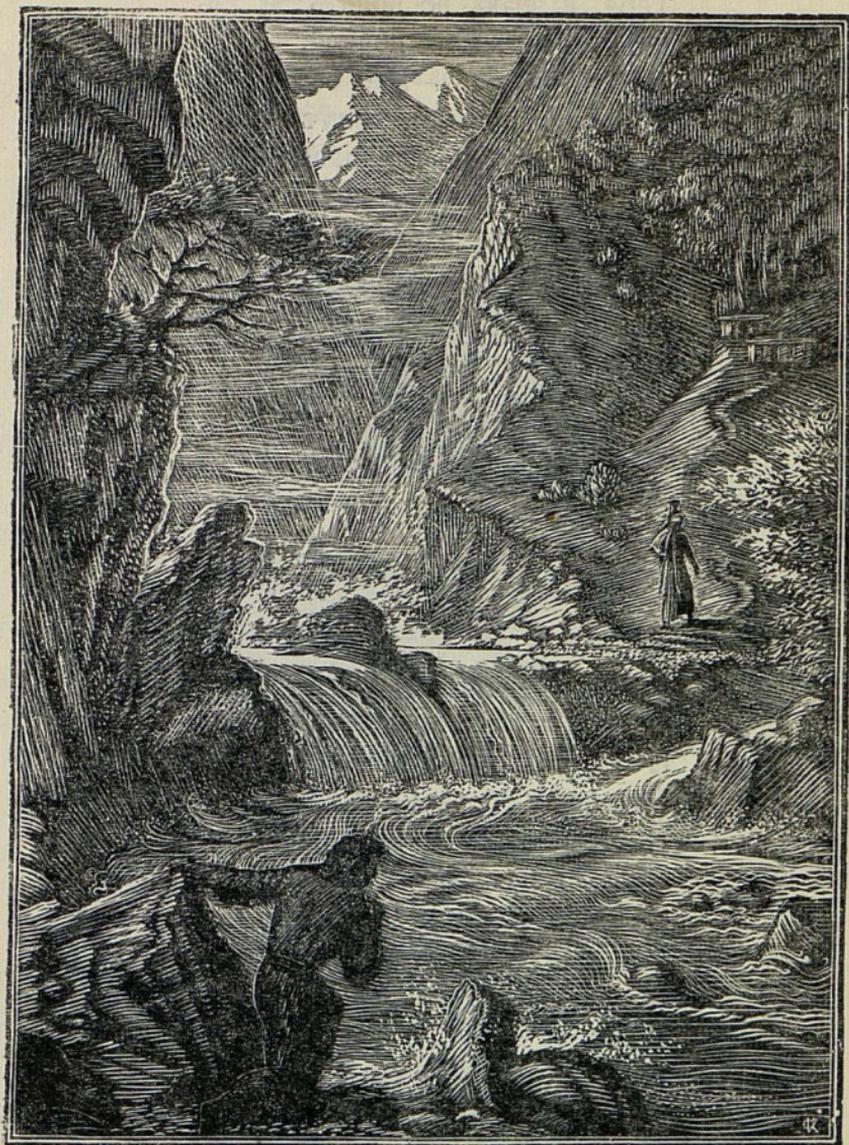
Спускáться нáчал. Из-под ног
Сорвáвшись, кáмень иногдá
Катíлся вниз — за ним браздá
Дымíлась, прах вилсá столбóм,
Гудя и прыгáя, потóм
Он поглощáем был волнóй;
И я висёл над глубинóй,
Но юность вóльная сильнá, —
И смерть казáлась не страшнá!
Лишь тóлько я с крутých высóт
Спустился, свёжесть гóрных вод
Повёяла навстрéчу мне,
И жáдно я припáл к волнé.
Вдруг гóлос, лёгкий шум шагóв...
Мгновénно скрýвшись меж кустóв,
Невóльным трéпетом объят,
Я пóднял боязливый взгляд
И жáдно вслúшиваться стал.
И блйже, блйже всё звучáл
Грузинки гóлос молодóй,
Так безыскúственно живóй,
Так слáдко вóльный, бúдто он
Лишь звúки дрúжеских имён
Произносít был приучён.
Простáя пёсня то былá,
Но в мысль она мне залеглá,
И мне, лишь сýмрак настаёт,
Незрímый дух её поёт.

«Держá кувшин над головой,
 Грузинка узкою тропой
 Сходила к берегу. Порой
 Она скользила меж камней,
 Смеясь неловкости своей.
 И беден был её наряд;
 И шла она легко, назад
 Изгибы длинные чадры¹
 Откинув. Лётные жары
 Покрыли тенью золотой
 Лицо и грудь её; и зной
 Дышал от уст её и щёк.
 И мрак очей был так глубок,
 Так полон тайнами любви,
 Что думы пылкие мой
 Смутились. — Помню только я
 Кувшина звон, когда струя
 Вливалась медленно в него,
 И шорох... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила от сердца кровь,
 Она была уж далеко;
 И шла хоть тише, но легко —
 Стройна под ношею своей,
 Как тополь, царь её полей! —
 Недалеко в прохладной мгле,
 Казалось, прирсли к скале.
 Две сакли дружною четой:
 Над плоской кровлею одной
 Дымок струился голубой.

---

¹ Ч а д р ы (чадра) — женского покрывала, закрывающего лицо и туловище.

Титус Септимий Корваллиус
Богатый и умный человек

Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль,
И если б мог, — мне было б жаль!
Вспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

«Трудами ночи изнурён,
Я лёг в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне..
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заняла грудь.
Я долго силился вздохнуть
И пробудился. — Уж луна
Вверху сияла — и одна
Лишь тучка крадалась за ней,
Как за добычею своей,
Объятя жадные раскрыв.
Мир тёмен был и молчалив.
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой

Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас...
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе — и превозмог¹
Страдания голода, как мог;
И вот дорогою прямою
Пустился, робкий и немой,
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

«Напрасно в бешенстве порою
Я рвал отчаянной рукою
Терновник², спутанный плющом.
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;

¹ Превозмог (превозмочь) — преодолел, пересилил.

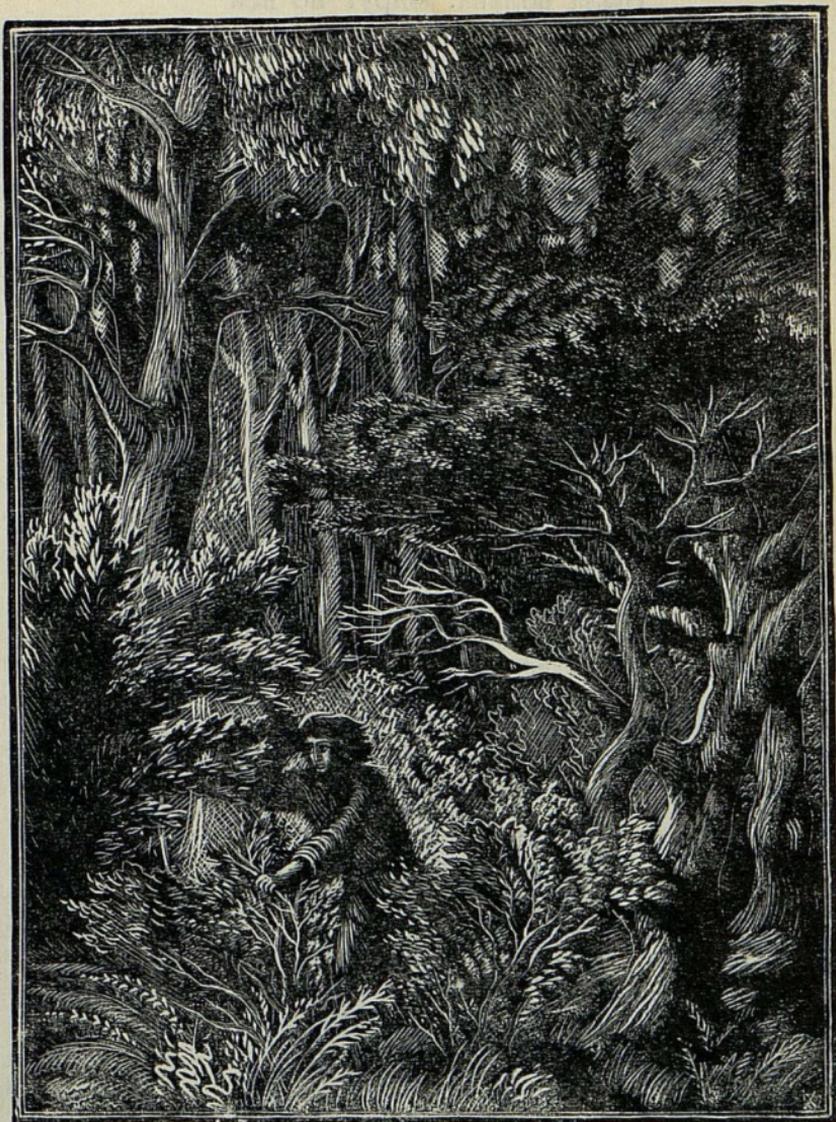
² Терновник — низкий колючий кустарник.

И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста.
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревья,
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес. —
Тогда на землю я упал;
И в иступлении рыдал
И грыз сырую грудь земли;
И слёзы, слёзы потекли
В неё горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык!

16

«Ты помнишь, в детские года
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? — лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мхом и песком,

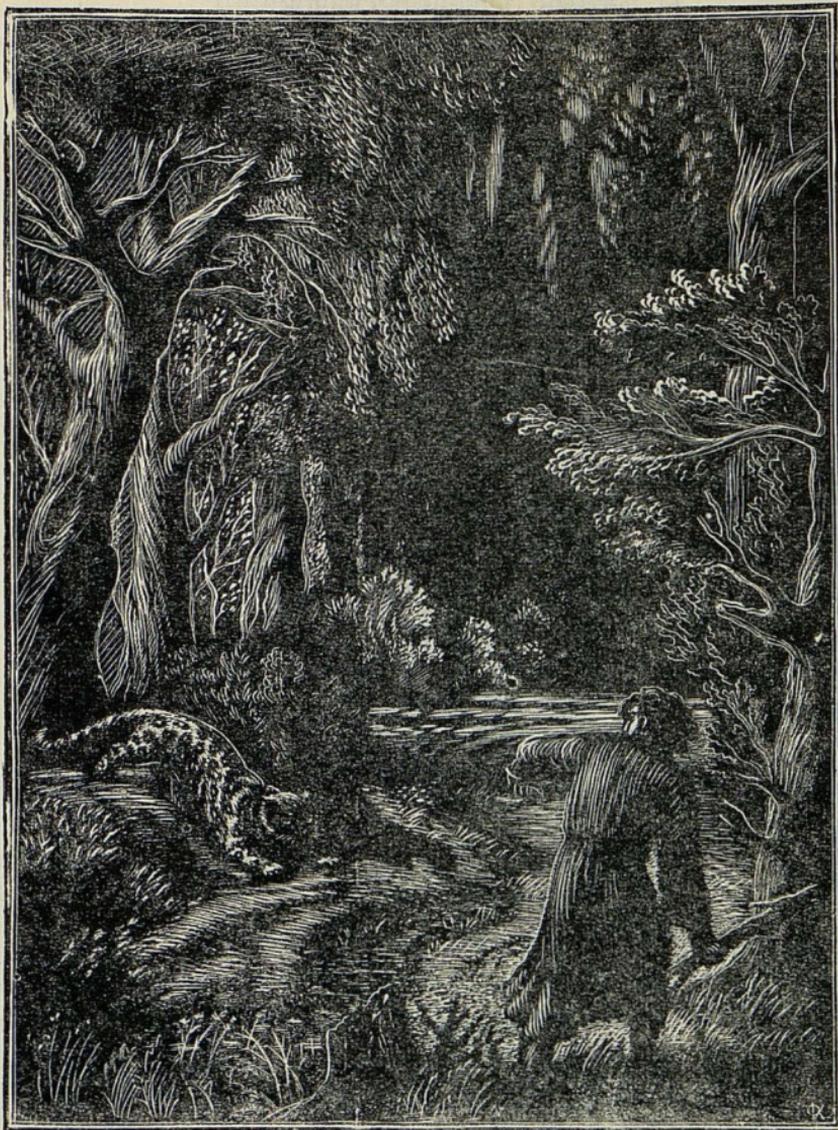

Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость,
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц; и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы — сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да! рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.

17

«Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон,

Въ окрестностяхъ на землѣ.
И въ сѣверныхъ вѣтрахъ.

Разд́ался вдруг... и н́ачал он
Серд́ито ла́пой рыть песок,
Встал на дыб́ы, пот́ом прил́ег,
И п́ервый б́ешеный скач́ок
Мне стра́шной см́ертию гроз́ил...
Но я его́ предупред́ил.
Уд́ар мой в́ерен был и скор.
Над́ежный сук мой, как топ́ор,
Шир́кий лоб его́ расс́ек...
Он застон́ал, как человек,
И опроки́нулся. — Но вновь,
Хот́я лила́ из р́аны кровь
Густо́й шир́кою волно́й,
Бой закип́ел — смерте́льный бой!

18

«Ко мне он ќинулся на грудь,
Но в гóрло я усп́ел воткн́уть
И там два р́аза поверн́уть
Моё ору́жье... он зав́ыл,
Рван́улся из посл́едних сил,
И мы, сплет́ясь как п́ара змей,
Обня́вшись ќрепче двух друз́ей,
Уп́али р́азом — и во мгле
Бой продол́жался на земл́е.
И я был стра́шен в эт́от миг.

Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенёл, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков,
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

«Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей:
Ещё они не заросли
И не закрылись — но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.

О них тогда я позабыл,
И вновь, собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...
Но тщётно¹ спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

«Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком,
И кинул взоры я кругом:
Тот край казался мне знаком.
И страшно было мне — понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал.

---

¹ Тщётно — бесполезно, напрасно.

Терпѣл, томился и страдал,
И всё зачѣм?.. чтоб в цветѣ лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звѣчном ропотѣ дубрав¹,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Ещё в сомнѣнье погружён,
Я думал, это страшный сон.
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишинѣ...
И тут всё ясно стало мне;
О! я узнал его тотчас!
Он с дѣтских глаз уже не раз
Сгонял видѣнья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких бѣшеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..

И слушал я без слѣз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Желѣзом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следá
Не проложить уж никогда.

---

¹ Д у б р а в (дубрава) — лесов.

«Да, заслужил я жребий¹ мой.
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? — напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила — таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась² цветка,

---

¹ Жреби́й — участь, доля, судьба.

² Трону́лась (тронуться) — почувствовала, испытала нежность, умиление.

И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия.
Но что ж? — Едва вошла заря,
Палящий луч её обжёт
В тюрьме воспитанный цветок...

22

«И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую голову;
Иссохший лист её венцом
Терновым¹ над моим челом
Свивался — и в лицо огнём
Самá земля дышала мне.
Сверкая, быстро в вышине
Кружились искры — с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.

---

¹ Терновы́й — от слова «терновник» — низкий колючий кустарник; вене́ц терновы́й — вене́ц мученический.

Хотя бы крикнул коростель¹,
 Иль стрекозы живая трель
 Послышалась! или ручья
 Ребячий лепет!.. Лишь змея,
 Сухим бурьяном² шелестя,
 Сверкая жёлтою спиной,
 Как будто надписью златой
 Покрытый донизу клинок,
 Браздя³ рассыпчатый песок,
 Скользила бережно — потом,
 Играя, нежася на нём,
 Тройным свивалася кольцом;
 То, будто вдруг обожжена,
 Металась, прыгала она
 И в дальних пряталась кустах...

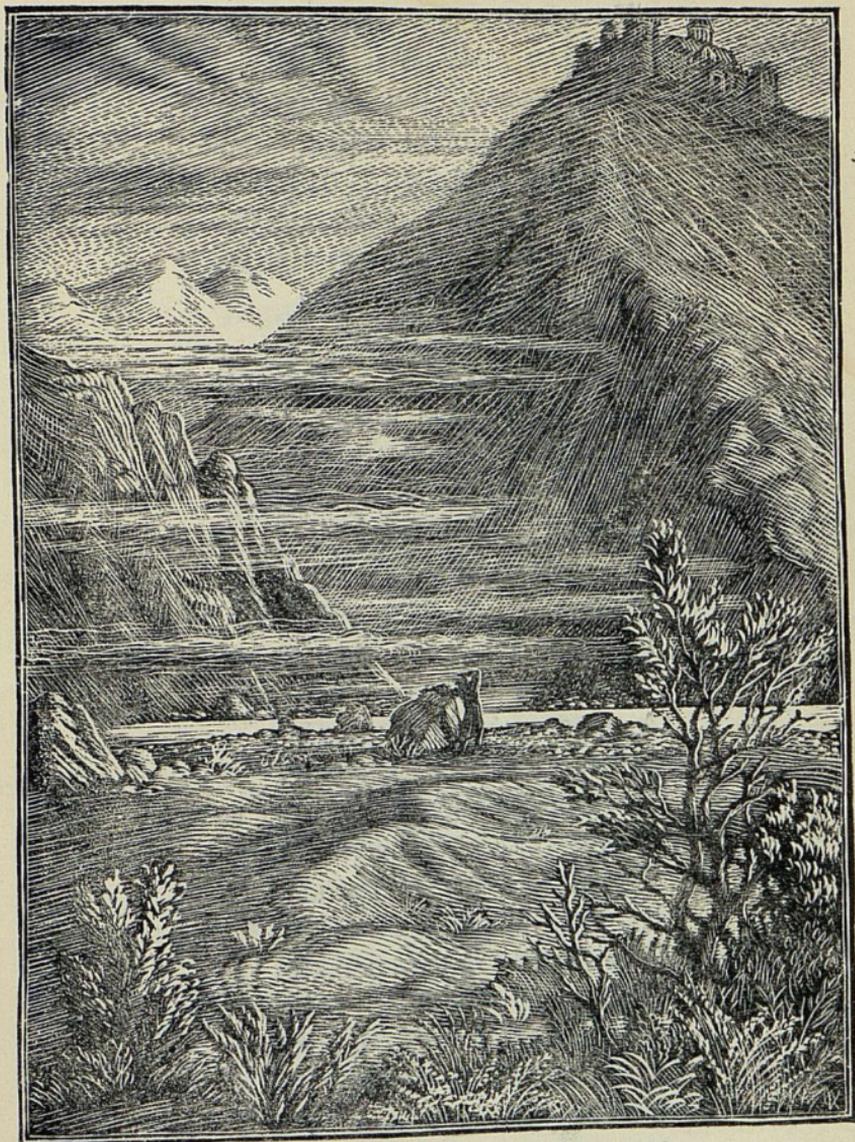
23

«И было всё на небесах
 Светло и тихо — сквозь горы
 Вдали чернели две горы.
 Наш монастырь из-за одной
 Сверкал зубчатою стеной.

¹ Коростель — небольшая луговая птица с характерным отрывистым криком.

² Бурьяном (бурьян) — высокой сорной травой.

³ Браздя (бороздя, бороздить) — делая бороздки, оставляя следы

Внизу Ара́гва и Кура́,
Обви́в каймо́й из серебра́
Подо́швы све́жих острово́в,
По ко́рням шепчу́щих кусто́в
Бежа́ли дру́жно и легко́...
До них мне бы́ло далеко́!
Хотел я встать: передо мной
Всё закружи́лось с быстрото́й!
Хотел крича́ть: язы́к сухой́
Беззвучен и недви́жим был.
Я умира́л. Меня́ томил
Предсмер́тный бред:

Казáлось мне,
Что я лежу́ на вла́жном дне
Глубо́кой речки — и была́
Круго́м тайнственная мгла.
И жа́жду ве́чную поя́,
Как лёд холо́дная струя́,
Журча́, влива́лася мне в грудь...
И я боя́лся лишь засну́ть —
Так бы́ло сла́дко, любо́ мне...
А надо мно́ю в выши́не
Волна́ тесни́лася к волне́,
И со́лнце сквозь хруста́ль волны́
Сия́ло сла́достней луны́,
И ры́бок пёстрые стада́
В луча́х игра́ли иногд́а.
И помню́ я одну́ из них:
Она́ привётливей други́х
Ко мне ласка́лась, чешуёй
Была́ покры́та золотой́
Её спи́на. — Она́ ви́лась
Над голово́й моёй не раз,
И взор её зелёных глаз
Был гру́стно не́жен и глубо́к...

И — надивиться я не мог! —
Её серебристый голосок
Мне речи странные шептал
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.

Я созову моих сестёр!
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни! постель твоё мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

О милый мой, не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось¹, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

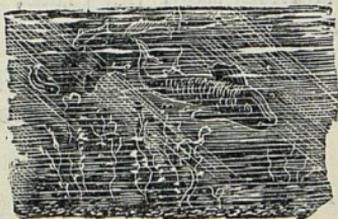
---

¹ Мнилось (мниться) — казалось, думалось.

24

«Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил, верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печáлит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимáнье скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

«Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таясь, жил в груди моей;

46

Но ныне пищи нет ему,
И он прожёт свою тюрьму
И возвратился вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в рай,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдёт себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и тёмных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

«Когда я стану умирать, —
И, верь, тебе не долго ждать, —
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа!
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положишь вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюсь я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!

47

Быть мѳжет, он с своих высѳт
Привѳт прощальный мне пришлѳт,
Пришлѳт с прохладным ветерком...
И близ меня перед концѳм
Родной опять раздастся звук!
И стану дѳмать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отѳр внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголѳса поѳт
Он мне про милую страну...
И с ѳтой мѳслью я засну,
И никого не проклянѳ! — »

~~Дет. 1189~~

~~39282~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮВЕНТ
ДЕТГИЗА~~

100-

Цена ~~50~~ коп.